

О СЕМИОТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ Ю. М. ЛОТМАНА

УДК 821.161.1-94. ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,4.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.08 (5.9.3)

«ПРОШЛО СТО ЛЕТ...» ФОРМУЛА ВРЕМЕНИ И СЕМА ПАМЯТИ

Спроге Л.

Латвийский университет (Рига, Латвия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8418-418X>

А н н о т а ц и я . В предлагаемом сюжете фрагменты воспоминаний свидетельствуют об исключительном значении, которое имела для Ю. М. Лотмана и З. Г. Минц их научная и аудиторная работа. Особое внимание тартуские ученые придавали общению с молодым поколением филологов, которые только еще определялись в выборе будущего пути. Корректное отношение к научным занятиям студента, виртуозное воздействие на него во время лекции, семинара, консультации оставили в памяти нескольких поколений незабываемые моменты встреч, бесед и первых исследовательских начинаний под эгидой их ненавязчивых рекомендаций. В памяти сохранились наблюдения над манерой работы Ю. М. Лотмана в незнакомой аудитории, его способность увлечь малоизвестным документом отдаленной эпохи с проекцией на особенности бытового поведения, на фиксацию контекста времени. Среди способов дешифровки «неопытных мест» в настоящей публикации рассматривается совместная статья ученых 1974 г., где речь идет о «забытом» мемуаре об А. Блоке. Методика подхода к малоизвестным эго-текстам, намеченная в статье, послужила выработке возможного комментария к свидетельствам о деятельности Блока в последние годы жизни, а также к интерпретации его помет в записных книжках и т. п. Роль «вторичных свидетелей» с их неучтенными до сих пор материалами о Блоке связана с локальной (балтийской) культурой русского зарубежья.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Ю. М. Лотман; З. Г. Минц; А. Блок «Последние дни императорской власти»; Сергей Коренев; мемуары; дневник; записные книжки поэта; газета «Сегодня»; газета «Слово»; механизмы памяти; «вторичный свидетель»; Чрезвычайная Следственная комиссия; генерал В. А. Сухомлинов.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Спроге Л. «Прошло сто лет...» формула времени и сема памяти / Л. Спроге. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 44-49.

“HUNDRED YEARS HAVE PASSED...” FORMULA OF TIME AND SEME OF MEMORY

Ludmila Sproģe

University of Latvia (Riga, Latvia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8418-418X>

A b s t r a c t . In the proposed plot, fragments of memories testify to the exceptional importance that their scientific and classroom work had for Yu. M. Lotman and Z. G. Mints. Tartu scientists paid special attention to communication with the younger generation of philologists who were just deciding on their future path. The correct attitude to the student's scientific studies, the virtuoso influence on him during a lecture, seminar, consultation have left in the memory of several generations unforgettable moments of meetings, conversations and first research initiatives under the auspices of their unobtrusive recommendations. Observations on the manner of work of Yu. M. Lotman in an unfamiliar audience, his ability to captivate a little-known document of a distant epoch with a projection on the peculiarities of everyday behaviour, on fixing the context of time, have been preserved in memory. Among the ways of deciphering “incomprehensible places”, this publication examines a joint article by scientists in 1974, where a “forgotten” memoir about A. Blok is presented. The methodology of the approach to little-known ego texts outlined in the article served to develop a possible commentary on the evidence of the Block's activities in the last years of his life, as well as to the interpretation of his droppings in notebooks. The role of “secondary witnesses” with their hitherto unaccounted materials about the Block is associated with the local (Baltic) culture of Russian Abroad.

Keywords: Yu. M. Lotman; Z. G. Mints; A. Blok “The Last Days of Imperial Power”; Sergei Korenev; memoir; diary; poet's notebooks; newspaper “Segodnya”; newspaper “Slovo”; memory mechanisms; “secondary witness”; Extraordinary Commission of Inquiry; General V. A. Sukhomlinov.

For citation: Sproģe, L. (2022). “Hundred Years Have Passed...” Formula of Time and Some of Memory. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 1, pp. 44-49.

Пушкинская цитата пока не осознана вполне записывающей эти миги и знаки жизни, где было и есть (надеюсь, будет и впредь) тартуское пространство и время.

Имя Юрия Михайловича Лотмана¹ я впервые услышала в разгар 1971/72-го студийного года на первом курсе Филологического факультета Латвийского государственного университета имени Петра Стучки, так тогда называлась высшая школа, в которой я сейчас работаю. Профессор Лотман приехал в Ригу на неделю читать курс лекций для студентов, хотя аудитория заполнилась до отказа вовсе не учащимися филологами, – пришли слушатели из других вузов, журналисты, артисты, одним словом, рижане разных возрастов и разных специальностей. Пришлось идти в зал, чтобы вместить всех желающих; лекция началась с характерного жеста рукой по седоватой пряди и вводной фразы: «Ну-с, начнем. Как вы, вероятно, помните и знаете...» Далее я включилась в неизвестную мне историю «дней Александровых прекрасного начала», но крупницы живших в памяти исторических и литературных текстов, события, даты помогли очертить контекст восприятия, а лекторское поощряющее и убедительное «как вам уже известно» и «вы, конечно, обратили внимание на» сыграли роль своеобразного камертона. Стало интересно слушать и постигать то, что, согласно говорившему, аудитории было хорошо известно, а тебе – нет! Ощутить это первокурснице было неприятно, что и заставило впредь искать источники, расширять тематические поиски, т. е., как говаривала, Зинаида Гиппиус: «интересоваться интересным». Живая речь выступавшего гостевого профессора тоже отличалась от уже привычного нам чтения лекций: своеобразная артикуляция предлогов, ненавязчивая эмоциональность

при цитировании поэтических произведений (все наизусть!), элементарность примеров – из жизни – при объяснении достаточно непростых семантических конструктов. Вот например: в вагоне поезда из Тарту в Ригу у окна мальчик, весело хохоча, выкрикивал по-эстонски: «Молодой человек – челодой моловек!» Ю. М. Лотман, попутчик семьи с ребенком, заметил, какой полезный прием апробируется пока на бессознательном уровне (при упоминании о «глокой куздре» мне всегда вспоминается этот пассаж, вызвавший в зале взрыв смеха). Отдельного упоминания заслуживает постоянное цитирование Ю. М. дневниковых записей и мемуаров современников; этот массив текстов был совершенно неизвестен нам, первокурсникам, но настойчивая рекомендация обращаться к письменным свидетельствам эпохи вскоре стала потребностью при разработке первых научных работ. Понятие контекста времени, культурного быта, тщательное штудирование источников, о котором пишет М. Б. Плюханова [Плюханова 2022: 9], ученица Ю. М., «привилось» сразу же, когда я стала принимать участие в Тартуских студенческих конференциях.

После отъезда профессора Лотмана некоторые преподаватели на факультете, заметив увлеченность у студентов «тартуской школой», стали «разъяснять» пагубность «формальных» методов исследования, порочность «имманентного» подхода к литературе и воображаемые последствия... От последних не удалось вернуться и мне, но сейчас вспоминается об этом скорее с юмором, хотя нервов было потрачено достаточно! Но разве можно было равнодушно прозябать с близким Тарту, с его интереснейшими «Трудами по русской и славянской филологии», «Блоковскими сборниками», конференциями, где Ю. М. говорил о повествователе в «Мастере и Маргарите», уподобляя одну из его ипостасей фрагменту в гербе, где все четыре «рамки» снова транслируются и так – до

¹ Не привожу привычное сокращение ЮрМих – это домашнее и отчасти интимное обращение для более близкого круга ученого. Далее в тексте имя и отчество приводится сокращенно – Ю. М.

бесконечности... Цепко держатся в памяти дополнения к докладам о Гоголе: о «пляске смерти», неистово исполненной Хомой после жуткой ночи, об идиллическом «старосветском» мире, который, увы, не прочтен... Бывая в гостях у Лотманов, я всегда ощущала необыкновенное радушие и желание вкусно угостить, как в гоголевской повести. Меня удивляло, что мастерски набрать на стол вкусно и сытно, как говорится, – «из ничего», – было делом рук Ю. М. Как уютно было сидеть в отапливаемой печкой комнате, когда за окном дождь, а тебе в скором времени бежать к автобусной станции, чтобы ехать в Ригу! Как необыкновенна была «немая», бессловесная беседа их друг с другом, – «на уровне бровей», – как называла я эту непередаваемую коммуникацию!

Став аспиранткой Зары Григорьевны Минц, я нашла в лице Ю. М. не только поддержку, но и покровительство: строгость научного руководителя, бывало, «зашкаливала»; «Зара Григорьевна, – вступал в финальный пассаж разговора Ю. М., – но сюжет-то – хороший», «Да, – отвечала она, – мы немало над этим работали!» И после такой совместной рекомендации я готовила публикацию или реферат для конференции. Для выхода на защиту необходимо было пройти через обсуждение диссертации на кафедре, Ю. М. был моим рецензентом. От него первого я услышала слова поддержки после защиты...

Свод мемуаров об Александре Блоке, казалось бы, полностью выявлен, но это не совсем так: находятся так называемые «вторичные» свидетели, освещающие или подсвечивающие отдельные факты, ранее казавшиеся факультативными. Природа «неизвестных», не введенных в научный контекст мемуаров всегда вызывала живой отклик в тартуской среде.

В совместной статье З. Г. Минц и Ю. М. Лотман решался вопрос о дешифровке одного непонятого места из воспоминаний о Блоке [Минц, Лотман 2004]. Авторы сосредоточились на фрагменте воспоминаний Елизаветы Кузьминой-Караваевой (Матери Марии), там речь идет о детской, практически неизвестной пьесе Александра Блока, где герой садится на лампу и сгорает.

За почти полувековой срок со дня выхода статьи в свет блоковедение и эмигрантская мемуаристика (а надо сказать, что мемуар Матери Марии вышел в парижских «Современных записках» в 1936 г.) шагнули решительно далеко вперед по сравнению с серединой семидесятых годов прошлого века. Но не об этом сейчас речь, а о важном, на мой взгляд, концептуальном подходе к тексту воспоминаний, который продемонстрирован не только в этой совместной статье, но в целом своде исследовательских работ двух известных тартуских ученых. Из статьи напому лишь об описании механизмов возникновения возможных сюжетов путем выявления скрытых звеньев. Итак, текст «утерян», «забыт» или сохранился в памяти в виде своеобразных «осколков», из которых, однако, при припоминании может снова быть восстановлен целостный текст. Как эти механизмы работают, неоднократно показывалось профессором Лотманом и не только в мемуарах: для меня важным стало понятие маркированных элементов, которым внутреннее развитие дает импульс к пробуждению, и они вырабатывают функцию «текстообразующих программ, создавая <...> новые тексты, неосознанные для самого субъекта мысли» [Там же].

Основной корпус мемуаров об Александре Блоке время от времени пополнялся и корректировался: среди свода воспоминаний укажу на их публикации в юбилейном двухтомнике «Блок в воспоминаниях современников» (1980), на серию Блокских сборников Тартуского университета (1962–2010), на пятитомник Литнаследства «Блок: Новые материалы и исследования» (1978–1993). Тем не менее ряд сюжетов о поэте в силу разных (в основном – идеологических) причин оказался «забытым» и как бы не представляющим исторической ценности. Однако то, что безоговорочно отвергалось в год столетнего юбилея Александра Блока в 1980 г., через сорок лет, в 2020 г., представлялось не лишним актуальности: неподцензурные свидетельства о бытовых реалиях жизни, поведении, взглядах, реакции поэта на политику, а также хроники событий последних четырех лет жизни поэта важны не менее так называемых «правильных мемуаров», авторы которых утверждали в

свое время «что» и «как» вспоминать о Блоке. В связи с этим эмигрантская мемуаристика вошла в блоковедение поздно, а еще позднее стали исследоваться воспоминания о поэте из таких локальных центров, как русские диаспоры Балтии.

В периодике Латвии «забытые» мемуары о Блоке и стихотворные эпитафии стали выходить через три недели после погребения Блока. Публиковались они и на латышском, и на русском языках. Их авторами были современники поэта, оказавшиеся в начале 20-х годов в независимой Латвийской Республике. Как правило, опубликованы они были в периодических изданиях с 1921 до 1940 гг., и этот достаточно объемный массив (но в содержательном плане неравноценный) учтен в блоковедении лишь отчасти. За гранью исследовательского интереса остались десятки материалов, написанных «новыми рижанами», покинувшими Россию; некоторые из них упоминаются Блоком в письмах и записных книжках. Их немало, но среди этих лиц мы не найдем имени Сергея Александровича Коренева (1883–1941?), далекого от блоковского круга современника поэта, юриста, офицера, который служил следователем в Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и должностных лиц; напомним, в ЧСК Блок был секретарем [Спроге 2021].

Коренев вспоминал, что их с Блоком совместная работа длилась всего несколько месяцев, до прихода Красного Октября».

Хорошо известно, что событийность времени службы Блока в ЧСК, ее содержательная сущность вылилась в известный труд «Последние дни императорской власти», изданный отдельной книгой в 1921 г. с тремя разделами, в каждом из которых содержатся тематические блоки: Болезнь государственного тела России, Двор, Кружки, Маклаков и Белецкий и т. п.

В связи с этим изданием особое внимание заслуживают неизвестные до сей поры дневниковые тексты Коренева: несколько мемуарных эссе, которые после гибели Блока были опубликованы с 1922 по 1926 гг. в русских изданиях Латвии.

В 1921–1922 гг. Коренев по предложению газеты «Сегодня» публикует серию

очерков под заголовком «Дело бывших министров. Из дневника». Публикация сопровождалась анонсом «От редакции»: «Настоящие записки основаны на фактических данных, имевшихся в распоряжении автора, одного из деятелей эпохи Всероссийского Временного Правительства, члена верховной комиссии по расследованию дел бывших царских министров».

Публикация «Дневника» Коренева шла по главам: I. «Верховная следственная комиссия»; II. Допрос обвиняемых. III. Департамент полиции. IV. Заступники. V. Дело Малиновского. В 1922 г. – ровно сто лет назад – в Берлинском «Архиве русской революции» в 7-м томе выйдет полный текст Коренева под заглавием «Чрезвычайная комиссия по делам о бывших министрах», где в начале автором снова упоминается Блок – секретарь комиссии. Этот важный документ эпохи до сих пор не переиздавался и, разумеется, не комментировался.

Что это за текст? В какой степени можно проводить параллель с блоковской книгой 1921 г.? Возможно, эти два параллельных текста, которые отражают друг друга, можно уподобить, согласно лотмановской концепции о зеркальном преломлении, специфическому зеркалу, которое не столько «повторяет», сколько фокусирует отдельные личности и связанные с ними события? Вот Блок фрагментарно фиксирует в Записных книжках ход следствия по делу генерала В. А. Сухомлинова (сюжет о нем не вошел в «Последние дни императорской власти»). Приступая к секретарским обязанностям в ЧСК восьмого мая 1917-го года, за день до этого Блок отмечает в записной книжке мнение своего родственника, сенатора А. Ф. Кублицкого-Пиоттуха, о Чрезвычайной следственной комиссии как скандальной учреждении. Далее следует обусловленная беседой фраза, что инстанция, где ему предстоит быть редактором стенограмм, «стоит между наковальной закона и молотом истории <...> Завтра я должен получить первую работу» [Блок 1965: 321–322]. «Наковальня» и «молот» возникают как формулы в сознании Блока после замечания сенатора, что «повесят <...> людей юридически невинных», и тут же приводится перечень персон, к которым еще до разбирательства комиссии были предъявлены об-

винения, среди них назван Сухомлинов [Там же: 321]. Через несколько лет краткие записи Блока будут значительно восполнены его коллегой по ЧСК – следователем, оказавшимся в Риге. Корнев, сотрудничая с рижской газетой «Слово», под псевдонимом Н. Русин в 1926 г. опубликовал несколько материалов, напрямую и косвенно связанных с контекстом деятельности ЧСК, среди которых был некролог Сухомлинову «Роковой человек»: «Телеграммы сообщили о смерти в Берлине генерала Сухомлинова. Генерал-адъютант императора Николая II, бывший военный министр, являлся одной из характерных фигур последнего царствования, он был обвинен в шпионаже в пользу Германии, арестован в 16-ом году, и после Петропавловской крепости переведен под домашний арест. После февральской революции его повторно арестовывают и снова отправляют в крепость. Здесь он тяжкими муками искупал свои грехи. Незадолго до прихода большевиков к власти над ним состоялся суд. Сухомлинова присудили к пожизненной каторге, но вскоре он был освобожден по декрету о предельном возрасте арестантов, воспользовался этим и благополучно вовремя перебрался, сначала в Финляндию, а затем в Берлин, где и дожил свой

век, скончавшись на 78 году от роду. Средства к существованию давала ему продажа написанных им в изгнании “мемуаров”, в которых так ярко отразилась вся его “светская” и чиновничья карьера и страшное падение» [Русин 1926: 3].

Ход следствия над Сухомлиновым в ЧСК фиксируют и секретарь Блок, и следователь Корнев. Несмотря на то, что сюжет о Сухомлинове не развернут в блоковской книге, а лишь упомянут, записи эти восполняют сведения о материалах исторической значимости: те скупые, «осколочные» фразы в дневнике и в записной книжке Блока выполняют, согласно Лотману, роль свернутой программы текста, потенциально способного к полному или же частичному восстановлению. Для отражения процессов, связанных с ходом работы в ЧСК, газетный текст Корнева становится матрицей для подобных «свернутых» сюжетов. В случае с «Последними днями императорской власти» и записями блоковских эго-документов рижские публикации его современника могут служить «проверочным» и пояснительным материалом.

Видимо, должно было пройти сто лет, чтобы подобные документы активизировали «механизмы памяти».

Литература

- Блок, А. Записные книжки. 1901–1920 / А. Блок. – М. : Художественная литература, 1965.
- Миц, З. Г. О глубинных элементах художественного замысла: к дешифровке одного непонятого места из воспоминаний о Блоке / З. Г. Миц, Ю. М. Лотман // Миц З. Г. Поэтика русского символизма. – Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2004. – С. 118-122.
- Русин, Н. Роковой человек / Н. Русин // Слово. Русская национально-демократическая газета. – 1926. – № 68. – С. 3.
- Спроге, Л. В. «Бросаясь в вихорь вихревой»: неучтенные мемуары С. Корнева о Блоке / Л. В. Спроге // Литературный факт. – 2021. – № 2 (20). – С. 146-159.
- Плюханова, М. Б. Об эволюции Ю. М. Лотмана (к 100-летию со дня рождения) / М. Б. Плюханова // Русская литература. – 2022. – № 1. – С. 3-14.

References

- Blok, A. (1965). *Zapisnye knizhki. 1901–1920* [Notebooks. 1901–1920]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura.
- Mints, Z. G., Lotman, Yu. M. (2004). O glubinnikh elementakh khudozhestvennogo zamysla: k deshifrovke odnogo neponyatnogo mesta iz vospominanii o Bloke [About the Deep Elements of the Artistic Idea: To Decipher One Incomprehensible Place from the Memories of the Block]. In *Poetika russkogo simvolizma*. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB, pp. 118-122.
- Rusin, N. (1926). Rokovoi chelovek [The Fatal Man]. In *Slovo. Russkaya natsional'no-demokraticheskaya gazeta*. No. 68, p. 3.
- Sproge, L. V. (2021). «Brosayas' v vikhor' vikhrevoi»: neuchtennye memuary S. Koreneva o Bloke [“Rushing into the Vortex of the Vortex”: S. Korenev's Unaccounted Memoirs about the Block]. In *Literaturnyi fakt*. No. 2 (20), pp. 146-159.
- Plyukhanova, M. B. (2022). Ob evolyutsii Yu. M. Lotmana (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) [About the Evolution of Yu. M. Lotman (to the 100th Anniversary of His Birth)]. In *Russkaya literatura*. No. 1, pp. 3-14.

“ART AND SCIENCE ARE TWO EYES OF HUMAN CULTURE”:
TO THE ANNIVERSARY OF Yu. M. LOTMAN’S BIRTH

Данные об авторе

Спроге Людмила – доктор филологии, профессор
отделения Русистики и славистики Гуманитарного
факультета, Латвийский университет (Рига, Лат-
вия).

Адрес: LV-1586, Rīga, Raiņa bulvāris, 19.

E-mail: ludmila.sproge@lu.lv.

Author’s information

Sproge Ludmila – Doctor of Philology, Professor of
Department of Russian and Slavic Studies of Humani-
tarian Faculty, University of Latvia (Riga, Latvia).

Дата поступления: 01.03.2022; дата публикации: 30.03.2022

Date of receipt: 01.03.2022; date of publication: 30.03.2022